

6. Анархисты в войсках Арагона и Каталонии

После того, как в Каталонии была одержана победа над военными и гражданскими мятежниками, одной из главных задач, стоявших перед анархистами и их союзниками, было возвращение столицы соседнего Арагона, Сарагосы, которая вместе с большей частью региона перешла в руки мятежников. Требовалось безотлагательно мобилизовать силы, чтобы переломить ситуацию.

Выполнение этой задачи взял на себя вновь созданный Главный совет антифашистской милиции⁰, в котором анархисты были всецело преобладающим элементом. Подразделения милиции, набранные в дни и недели, последовавшие за поражением военного мятежа в Каталонии, стали ядром республиканской армии, которая на протяжении двух с лишним лет противостояла силам генерала Франко в Арагоне, а затем и в самой Каталонии.

Регион Арагона-Каталонии был тем театром боевых действий, где роль анархистов в республиканской армии была самой неоспоримой, как в отношении рядового состава, так и в отношении командования ключевых соединений. Однако именно в этом регионе контролируемые анархистами части сильнее всего страдали от решений республиканского правительства, отказывавшегося предоставить финансовую помощь, оружие и снаряжение, которые были необходимы им, чтобы сыграть решающую роль в возможной победе лоялистов в Гражданской войне.

Первый набор в милицию

Вскоре после каталонского триумфа анархисты узнали, что мятежники добились успеха в Сарагосе и большей части Арагона. Им стало ясно, что необходимо срочно направить войска в Арагон, чтобы не только вернуть город, считавшийся самым анархическим в Испании, но и не дать мятежникам использовать Сарагосу в качестве базы для нападения на Каталонию. Более того, взятие Сарагосы открыло бы путь для дальнейшего наступления, чтобы установить связь между Каталано-Арагонским республиканским регионом и лоялистскими силами в Стране Басков, Сантандере и Астурии.

Поэтому было решено организовать милиционные части, чтобы сражаться с войсками мятежников в Арагоне. 22 июля Хуан Гарсия Оливер выступил по барселонскому радио с речью, в которой он объявил о предстоящем формировании колонн милиции. Согласно тексту речи, опубликованному на следующий день «Рабочей солидарностью», он назвал причинами создания колонн «господство военных в Сарагосе и возможность продвижения фашистских колонн из Арагонского региона на земли Каталонии...»¹

Главный комитет милиции решил, что первая колонна милиции должна собраться на авеню Паско-де-Грасия в Барселоне в 10:00 24 июля². В восемь утра Буэнавентура Дуррути отправился на радио и призвал рабочих города приносить на место сбора продукты и всё необходимое для новой милиционной колонны³.

Совет милиции, по первоначальным подсчётам, нуждался в 12 000 бойцов, чтобы провести кампанию у Сарагосы⁴. Однако первая колонна, возглавляемая Буэнавентурой Дуррути и подполковником Энрике Пересом Фаррасом, в качестве политического лидера и военного советника соответственно, далеко не достигала этого размера. Главный биограф Дуррути, Абель Пас, оценивал её численность в 2 000 человек⁵; Диего Абад де Сантильян называл цифру 3 000, а Гарсия Оливер утверждал, что в ней насчитывалось 5 000⁶.

Луи Мерсье, чилийский француз, который воевал в колонне Дуррути первые полгода войны, отмечал, что вначале колонна, как и большинство соединений милиции, состояла главным образом из людей, не имевших военного опыта. Командовали ею те, кто, возможно, отбыл двухлетнюю воинскую повинность, сражался в одной из предыдущих войн, в Африке или где-то ещё, может быть даже в Первой мировой войне, но после этого годами не брал винтовку. В колонне Дуррути имелась значительная группа иностранцев, исполнявших большую часть технической работы. В общей сложности их насчитывалось до 500 человек, и среди них особенно широко были представлены немцы⁷.

Очевидно, Дуррути вначале думал задействовать в арагонской экспедиции часть солдат из барселонского гарнизона. Он совместно с майором Салаверой посетил казармы Алькантарского и Бадахосского пехотных полков, призывая добровольцев в свою колонну, и, как сообщают, был восторженно встречен солдатами и сержантами⁸. Однако, по каким бы то ни было причинам, эти солдаты не были привлечены в колонну.

После отбытия колонны Дуррути кампания по набору в милицию продолжилась. Абад де Сантильян комментировал: «За несколько дней больше ста пятидесяти тысяч добровольцев записались, чтобы бороться против военного мятежа там, где будет необходимо». Он добавлял: «Будучи на полпути к организации этой огромной массы, мы не имели ничего оставшегося от старой армии»⁹. В рамках кампании по мобилизации был создан специальный комитет, «чтобы собрать вместе и отправить солдат, которые бросили свои подразделения и добровольно хотели пойти в бой»¹⁰.

Вскоре были организованы несколько других колонн милиции. Второй командовал Антонио Ортис, бывший, как и Дуррути, членом анархической группы «Мы». Кроме того, анархисты организовали колонну под командованием Доминго Аскасо и Кристобала Альдабальдетреку и колонну «Земля и свобода» (Columna Tierra y Libertad) под командованием компаньеро Маэсту. Со своей стороны, коммунистическая Объединённая социалистическая партия Каталонии (ОСПК) организовала колонну «Карл Маркс», возглавляемую Мануэлем Труэбой и Хосе дель Баррио, а диссидентская Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) отправила колонну «Ленин» под командованием Хосе Ровиры. «Левые республиканцы Каталонии» организовали колонну Масия – Компаниса. Наконец, «на фронт возле Уэски был отправлен небольшой отряд карабинеров и штурмовых гвардейцев, которые хорошо сражались, когда им приходилось действовать в поддержку милиции», – говорит Хуан

Гарсия Оливер¹¹.

Подводя итог этой первоначальной мобилизации в каталонскую милицию, Гарсия Оливер пишет: «Чтобы занять то, что вскоре стало Арагонским фронтом, примерно на 300 километров от французской границы до Бельчите, туда были отправлены силы, состоявшие из 30 000 милиционеров, из которых четыре пятых были анархо-синдикалистами»¹².

Первые победы каталонских войск

Колонны милиции, организованные в Каталонии, полностью очистили свой регион от мятежников и двинулись в Арагон. 26 июля барселонская газета «La Vanguardia» объявила, что арагонский город Каспе был занят войсками лоялистов «после небольшой бомбардировки»¹³. Оттуда колонна Дуррути продолжила движение на северо-восток, взяв ряд посёлков, включая Бухаралóс (27 июля), где в конечном счёте разместился штаб колонны¹⁴.

Однако официальной целью колонны Дуррути с того времени, как она покинула Барселону, было возвращение Сарагосы. По свидетельству Франца Боркенау, посетившего Каталонию в начале августа 1936 г., тогда казалось, что вопрос не в том, будет ли Сарагоса отвоёвана лоялистами, а том, когда это произойдёт¹⁵.

Абель Пас (Диего Камачо), биограф Буэнавентуры Дуррути, объяснил обстоятельства, помешавшие взять Сарагосу. Во-первых, отмечает он, на следующий день после взятия Бухаралоса, когда колонна милиции шла к арагонской столице, ей «пришлось столкнуться с реальностью войны. Фашистская авиация бомбила её, что деморализовало немалое число милиционеров, которые, охваченные паникой, бросились бежать... Бомбёжка, к их удивлению, оказалась убийственной, обойдясь в дюжину смертей и более чем двадцать раненых... После этого удара Дуррути решил, что стоит отступить и собрать больше информации о позициях врага, чтобы не подвергнуться внезапному нападению...»¹⁶

В дальнейшем, согласно Абелью Пасу, колонна Дуррути продолжила своё движение, подойдя к Сарагосе на 20 километров, «но была задержана рекой и сопротивлением, оказанным гарнизоном арагонской столицы. Это заставило колонну Дуррути проложить хорошую и эффективную сеть траншей и пулемётных гнёзд на своих передовых позициях». Тогда Центральный комитет милиции Каталонии приказал колонне ждать помощи от частей милиции, действовавших на другом (сарагосском) берегу Эбро¹⁷.

Коммунисты часто подвергали анархическую милицию нападкам за неудачу первоначальной попытки взять Сарагосу. Они зашли настолько далеко, что обвинили ополченцев НКТ в том, что они отказывались работать больше 8 часов в день, тогда как несколько дополнительных часов могли привести их в арагонскую столицу¹⁸. Учитывая изначальный энтузиазм, царивший в анархических войсках, и значение Сарагосы как одного из главных опорных пунктов анархистов накануне войны, это кажется маловероятным. Более правдоподобными представляются версии, объясняющие провал крайней неопытностью Буэнавентуры Дуррути в военной стратегии и тактике (даже при том, что его советником был кадровый

офицер) и тем фактом, что десяти дней, прошедших между выступлением мятежников и прибытием каталонских милиционеров в окрестности Сарагосы, было достаточно, чтобы организовать надёжную оборону против необученных и легковооружённых добровольцев.

Тем временем другие каталонские колонны милиции, пополнившиеся за счёт жителей тех частей Арагона, через которые они проходили, заняли большую часть Арагона к востоку от реки Эбро и небольшой район на другом берегу реки. Хотя эти части по большей части состояли из анархистов и ими же возглавлялись, другие политические группы также были представлены в армии, стихийно возникшей после 19 июля. Франц Боркенау сообщал в то время, что эти первые колонны также приняли в свой состав значительное число дезертиров из армии мятежников, многие из которых были социалистами или анархистами до того, как их призвали¹⁹. Но он также отметил нежелание революционных крестьян отправлять свою молодёжь в милицию²⁰.

Эти первые колонны милиции перед выступлением на поле боя прошли только самое элементарное обучение. Франц Боркенау прокомментировал это в начале августа: «Я обедал с группой милиционеров, которые говорили о своей военной подготовке, и пришёл в ужас, услышав, что всё, чему их научили перед отправкой на фронт, – это как стрелять из винтовок; никаких полевых учений, рытья окопов и т.п.»²¹.

Как только фронт в Арагоне стабилизировался, стала ясна политическая расстановка сил, которые должны были укомплектовать Арагонский фронт в первый год войны. На самом севере, у французской границы, стояла небольшая колонна «Левых республиканцев Каталонии». Сразу к югу от неё, напротив удерживаемого мятежниками города Уэска, находилась колонна «Ленин» антисталинской Рабочей партии марксистского единства. С юга к ней примыкала анархо-синдикалистская колонна Аскасо, возглавляемая членом группы «Мы» Грегорио Ховером, а слева от последней стояла колонна «Орлята», состоявшая из членов «Либертарной молодёжи» и некоторое время находившая под командованием Хуана Гарсии Оливера, которого затем сменил Мигель Гарсия Виванкос.

Позиции к югу от колонны «Орлята» занимала колонна «Карл Маркс», организованная сталинистами из Объединённой социалистической партии Каталонии и возглавляемая Хосе дель Баррио. На юге с ней граничило ещё одно соединение ПОУМ, колонна Маурина под командованием Хосе Ровиры, а ещё левее стояла колонна Дуррути.

На южном фланге Арагонского фронта, к югу от реки Эбро, находились многочисленная анархо-синдикалистская колонна Ортиса, возглавляемая Антонио Ортисом, и два меньших по размеру соединения – колонны Пеньялвера и Мены, обе организованные в каталонском городе Таррагона²², а также колонна Масия – Компаниса «Левых республиканцев Каталонии», которая слева соединялась с Железной колонной из Валенсийского региона²³.

В республиканских частях на Арагонском фронте также оказалось небольшое число офицеров и рядовых регулярной армии. Сосредоточенные у Барбастро и возглавляемые полковником Хосе Вильяльбой, эти солдаты, оставшиеся верными Республике, начали операции против Уэски и Хаки, которые, к сожалению, не принесли успеха²⁴.

Поражение на Балеарских островах

Одним из первых поражений каталонских войск, включавших как анархистов, так и отряды иной политической окраски, стала неудачная экспедиция на Балеарские острова в августе 1936 г. На двух меньших островах, Менорке и Ивисе, мятеж 19 июля был подавлен, но на Мальорке он закончился успехом. Острова представляли большой интерес для каталонцев, как из-за своего стратегического значения, так и потому, что их население говорило на каталанском языке.

В начале боевых действий каталонский Центральный комитет милиции принял решение сосредоточить усилия на кампании по возвращению Арагона, сознательно отказавшись от планирования нападения на Мальорку. Тем не менее капитан Альберто Байо, офицер авиации, оставшийся на стороне лоялистов, на свой страх и риск, не советуясь с Центральным комитетом милиции, решил предпринять экспедицию с целью захвата Мальорки. Хуан Гарсия Оливер впоследствии высказывал подозрение, что Байо пользовался поддержкой каталонского президента Луиса Компаниса в этом начинании.

Более важным, однако, было то, что Байо получил поддержку морской секции Союза транспортных рабочих Барселоны, входившего в НКТ. Выступая не только от имени Компаниса, но и якобы от Комитета милиции, Байо попросил помощи этого профсоюза, чтобы получить флот и собрать людей для экспедиции. Морская секция была независимой организацией НКТ и имела в своём распоряжении не только два эсминца, канонерскую лодку, торпедный катер, три субмарины и другие корабли, но и около 5 000 человек. К экспедиции присоединилась также небольшая группа из Валенсии под командованием капитана Гражданской гвардии Урибарри, но большинство валенсийцев вернулись домой, не приняв участия в высадке на Мальорке, так как два капитана не смогли договориться о том, кто будет командовать.

Вместо того чтобы в лоб атаковать Пальма-де-Мальорку, которую защищали меньше чем 600 солдат и где население было преимущественно республиканским и анархическим в своих симпатиях, Байо высадил свои силы на изолированных пляжах на большом расстоянии от города. Там его бойцы подверглись нападению со стороны многочисленных вражеских войск и в конечном счёте были оттеснены на узкую полосу у побережья.

Тогда Байо обратился за помощью к Центральному комитету милиции Каталонии. После отправки к острову двух наблюдателей, комитет решил выделить ему пушку и прочее вооружение, которое он запросил. Однако даже с этим подкреплением капитан Байо не смог продвинуться вперёд. Многочисленный итальянский отряд высадился на острове, чтобы поддержать мятежников. Приблизительно через две недели Байо совершил катастрофическое отступление, во время которого он оставил врагу множество пленных и значительную часть оружия, взятого в экспедицию. Этот инцидент привёл к тому, что итальянцы прочно закрепились на крупнейшем из Балеарских островов.

По возвращении в Барселону капитан Байо был арестован. Хотя большинство членов Комитета милиции, от всех политических течений, считали, что его следует отдать под

трибунал и казнить, они решили, скорее по политическим, чем по военным мотивам, просто уволить его из вооружённых сил²⁵.

Спустя много лет капитан Альберто Байо заслужил себе ещё одну сноску в мировой истории, обучив основам партизанской войны небольшой отряд Фиделя Кастро из «Движения 26 июля» перед его отплытием из Мексики на Кубу в конце 1956 г.

Организация каталонских сил на Арагонском фронте

Пока Главный комитет антифашистской милиции действовал как де-факто правительство Каталонии, милиционные колонны в Арагоне находились под его командованием. Когда анархисты вошли в каталонское правительство и комитет был распущен, каталонские войска перешли в подчинение Департамента обороны (Consejería de Defensa) Каталонии, возглавляемого полковником Фелипе Диасом Сандино, но он фактически контролировался НКТ, и один из её лидеров являлся генеральным секретарём департамента. Хуан Гарсия Оливер занимал эту должность – сходную с его позицией в Главном комитете милиции – до своего вхождения в республиканское правительство в начале ноября 1936 г.²⁶ После него, до майских событий 1937 г., генеральным секретарём Департамента обороны Хенералидада был другой член НКТ – Хуан Мануэль Молина²⁷.

После вооружённого конфликта в Барселоне и некоторых других городах Каталонии в начале мая 1937 г. каталонское правительство утратило контроль над вооружёнными силами на Арагонском фронте. В это же время положение анархо-синдикалистских командующих, офицеров и солдат стало всё больше осложняться из-за давления и преследований со стороны коммунистов.

В начале Гражданской войны все милиционные формирования, сражавшиеся на Арагонском фронте, возглавлялись политиками или профсоюзными лидерами. За весьма редким исключением, они были людьми, лишёнными какого-либо военного опыта, и в очень многих случаях – убеждёнными антимилитаристами.

Анархические лидеры – и те, кто вёл войска на фронт, и те, кто остался в тылу организовывать и направлять правительство, экономику и другие стороны общественной жизни, – осознавали потребность в людях, прошедших военную подготовку, обладавших опытом и (в большей или меньшей степени) умением. Поэтому с самого начала командирам колонн придавались в помощь советники, бывшие профессиональными военными. Конечно, значительное большинство офицеров в Каталонии, как и во всей Испании, участвовало в мятеже вооружённых сил 17–19 июля 1936 г. Однако оставалось достаточно лояльных офицеров, которые могли давать лидерам милиционных колонн некоторые консультации по стратегическим и тактическим вопросам и помогать им создавать из колонн боевые части, более и менее способные вести современную войну.

Несмотря на предполагаемую подчинённость различных колонн Центральному комитету милиции в Барселоне, правда заключалась в том, что на протяжении многих месяцев каждое соединение милиции было более или менее независимым в том районе, где оно базировалось и который оно защищало. И в результате того, что каждое соединение имело свою политическую окраску, возникала заметная напряжённость, иногда даже конфликты, между ополчениями разной идеологической ориентации.

Комитет милиции и впоследствии Департамент обороны каталонского правительства время от времени пытались установить единое командование и ужесточить свой контроль над разрозненными частями. Уже в сентябре комитет назначил кадрового офицера, подполковника Рейеса, главой единого командования. Однако на совместном заседании основных функционеров военного сектора Комитета милиции и командующих соединениями милиции это назначение, похоже, не было утверждено²⁸.

С течением времени, по мере того как каталонским и испанским республиканским правительствами предпринимались попытки милитаризовать подразделения милиции, изначальная обособленность лоялистских вооружённых сил Арагоно-Каталонского региона в большей или меньшей степени была преодолена. Однако политическое соперничество внутри армии, здесь и в других частях лоялистской Испании, никогда не пытались остановить. Скорее наоборот, с началом поставок в Республику оружия из Советского Союза испанские коммунисты получили очень мощный инструмент, который они использовали в борьбе за абсолютную власть в пределах республиканской армии и всего республиканского режима, и политические разногласия усилились.

Проблема дисциплины в анархических войсках

И во время Гражданской войны в Испании, и после неё много говорилось о нехватке дисциплины в войсках анархистов, на Арагонском фронте и в других местах. Сесар Лоренсо, сын лидера НКТ Орасио Прието, родившийся и выросший во Франции, в своём исследовании испанского анархизма утверждал: «Недостатки конфедеральных колонн бросались в глаза каждому... Люди, не имевшие ни дисциплины, ни оружия, гибли тысячами. Не было единого и общепризнанного командования. Хуже того, было просто невозможно отдавать приказы. Все милиционеры были равны, они совещались о том, что надо сделать, они обсуждали каждое предложение, внесённое более серьёзными и сознательными бойцами, они каждый день переизбирали своих командиров...»²⁹

Есть причины считать, что заявление Сесара Лоренсо о проблеме дисциплины преувеличено. Во-первых, можно считать доказанным, что в течение всей войны войска на Арагоно-Каталонском фронте в значительном большинстве своём состояли из анархистов и во многих случаях возглавлялись командирами-анархистами. Эти войска весьма хорошо показали себя, не только в первом наступлении на Арагон, которое позволило сохранить половину этой области для Республики, но и в последующих сражениях, включая нападение

на Теруэль в конце 1937 г. и попытки остановить наступление Франко в Арагоне в следующем году, и в завершающих боях в самой Каталонии. Анархические войска могли организованно проводить отступления, когда неанархические силы на их флангах бежали в беспорядке. Нам не известно ни одного документально засвидетельствованного случая, когда лоялисты на северо-востоке – или где-либо ещё в Испании – потерпели бы поражение из-за неподчинения анархических войск.

Верно и то, что у многих анархистов представление о дисциплине отличалось от того, которое было у коммунистов или кадровых офицеров. Диего Абад де Сантильян выразил это представление в конце 1937 г., когда он писал:

“ «Мы усиленно пропагандировали дисциплину на фронте и в тылу, но мы ведём речь о дисциплине, демонстрирующей чувство ответственности, из которого не исключается человек, его сознание, его личность... Мы сходимся с представителями других течений в защите дисциплины, но сходимся в словах, а не в духе... При виде прусской дисциплины, дисциплины, убивающей дух, мы отдаём предпочтение систематической недисциплинированности, духу постоянного восстания и хаосу внешних проявлений... Нам больше по душе воины, которые с радостью идут умереть или победить, вдохновлённые несокрушимой верой и сознанием того, что они защищают великое и благородное дело»³⁰.

Свидетельства тех, кто действительно побывал в анархических частях Арагоно-Каталонского региона, показывают, что, хотя в них зачастую не соблюдались правила «хорошего тона», известные в других вооружённых силах, – отдавать честь, носить надлежащую униформу, называть офицеров «сеньорами» и т.п., – более существенные элементы дисциплины присутствовали. К примеру, Хосе Пейратс, который позднее стал историком НКТ периода войны, утверждал, что, судя по его личным впечатлениям от колонны Дуррути, солдаты всегда были готовы пойти в атаку и вообще сделать всё, что они них требовалось; среди них никогда не было недостатка в добровольцах для выполнения опасных заданий и присутствовал дух самодисциплины и самоотречения, «приводивший в изумление»³¹.

Брошюра, изданная НКТ-ФАИ после гибели Дуррути, описывала его понимание военной дисциплины:

“ «Величие Дуррути объясняется тем, что он почти никогда не командовал, а всегда обучал. Товарищи обыкновенно заходили к нему в палатку – после его возвращения с передовой. Он объяснял и обсуждал с ними основания для проведения тех или иных операций. Дуррути никогда не приказывал, он убеждал. Только убеждением обеспечиваются сознательные и точные действия. Каждый из нас знает причину своих действий и убеждён в их необходимости. Поэтому каждый хочет добиться своими действиями наилучших результатов, любой ценой. Товарищ Дуррути подавал нам пример»³².

Рикардо Санс, командовавший колонной Дуррути (26-й дивизией) после смерти её основателя и до отступления во Францию, оставил похожее свидетельство. Он говорил, что если под дисциплиной подразумевается готовность идти в бой, когда отдаётся приказ или вызываются добровольцы, то у анархических частей дисциплина была не хуже или даже лучше, чем у любых других элементов в республиканской армии³³.

Диего Камачо, биограф Дуррути, который также служил в его колонне, отмечал, что в первые месяцы войны многие решения принимались на общих собраниях бойцов, существовавших параллельно традиционной военной иерархии. Собрания выносили решения по вопросам поведения офицеров, условий ведения войны, иногда даже стратегии. Однако, добавляет он, когда войска шли в бой, командующие офицеры отдавали приказы, и они никогда не обсуждались³⁴.

Практика солдатских собраний, по крайней мере в первые месяцы войны, подтверждается и Мариано Касасусом Лакастой, который служил капитаном в колонне Ортиса, позднее ставшей 25-й дивизией. Однако он утверждал, что с милитаризацией милиции в конце 1936 г. собрания перестали действовать³⁵.

Сеньор Бальеста, который во время войны служил в Красно-чёрной дивизии, возглавляемой Доминго Аскасо^{35а}, утверждал, что не знает ни одного случая, когда бойцы дивизии отказались бы идти в атаку. Он добавляет, что офицеры должны были говорить «как товарищи» и не отдавать произвольных приказов, но их приказам тем не менее повиновались³⁶.

С другой стороны, были и несомненные случаи нарушения дисциплины со стороны анархических войск. Мигель Сельма, который находился в колонне Дуррути, помнил два случая, когда солдаты отказывались двигаться с места, поскольку были убеждены, что им было дано самоубийственное задание, не имевшее смысла³⁷.

Кроме того, Хосе Торренте, каталонский социалист, в течение войны находившийся на Арагоно-Каталонском фронте, много лет спустя вспоминал инцидент, который он наблюдал в окрестностях Уэски. Там в конце 1936 г. части анархистов, которым было приказано начать наступление на Уэску, отказались подчиниться, и многие из них вместо этого ушли в Барбастро, примерно в 30 километрах, где находился их штаб, чтобы провести собрание по данному вопросу.

Достаточно интересно, что Торренте, который вообще рассматривал анархические войска на Арагонском фронте как недисциплинированные, считал, что колонна Дуррути была исключением. По его отзыву, с самого начала конфликта руководство колонны принимало решения «с военной точки зрения, а не с анархистской»³⁸.

Другой очевидец, Мариано Касасус Лакаста из 25-й дивизии, вспоминал случай во время Теруэльского сражения, когда его подразделению было приказано взобраться на крутой склон и занять городское кладбище. Их сопровождали три лёгких танка, управляемых советскими солдатами. Следуя, как они утверждали, своим приказам, советские танкисты отказались двигаться дальше определённого пункта, и тогда бойцы 25-й дивизии вытащили

их из танков и посадили на их место испанские экипажи, после чего завершили подъём на холм и заняли кладбище³⁹. Этот инцидент можно было расценивать как неповиновение или нет, в зависимости от того, как смотреть на это.

Последний довод по поводу «отсутствия дисциплины» у анархических войск, который можно предложить, – то, что перед лицом дерзкой провокации коммунистов они по крайней мере в двух случаях не оставили своих обязанностей на фронте. Эти случаи – майский конфликт 1937 г. в Барселоне и нашествие колонны под командованием коммуниста Листера, вырвавшей Арагонский регион из-под контроля анархистов три месяца спустя.

В мае, хотя они очень хорошо знали, что происходит в каталонской столице, значительное большинство анархических войск на Арагонском фронте оставалось на своих позициях. Разрозненные отряды из колонны Дуррути, вместе с некоторыми крестьянами из близлежащих арагонских коллективов, снялись с места и направились в Барселону. Однако, когда они добрались до Лэриды и получили приказ вернуться на фронт, они подчинились ему⁴⁰. В колонне Ортиса (25-й дивизии) несколько отрядов получили от низовых командиров приказ двигаться к Барселоне, но они также вернулись на фронт, достигнув Лэриды и получив противоположный приказ⁴¹.

Во время нападений дивизии Листера, разогнавшей Совет Арагона и многие крестьянские коллективы, солдаты анархических дивизий в Арагоне, согласно Сесару Лоренсо, «страстно желали» сопротивляться Листеру. Однако, замечает он, «НК НКТ и ПК ФАИ вмешались, чтобы предотвратить вспышку новой гражданской войны... анархические войска остались на своих местах»⁴².

В итоге, хотя было очевидно, что, особенно на начальных этапах войны, анархисты мало внимания уделяли тонкостям воинского этикета, они далеко не были недисциплинированной толпой. Хотя им трудно было отказаться от анархического обычая проводить собрания для принятия любых решений, которые имели важность в глазах рядового состава, они в итоге сделали это. Когда, проведя больше года в относительном бездействии, неминуемо сопровождавшемся скукой и тягой к безделью, анархические войска в Арагоне должны были противостоять войскам Франко, имевшим подавляющее превосходство в численности и вооружении, во время Арагонской и Каталонской кампаний, они показали себя как преданные долгу и умелые бойцы.

Хотя наблюдались единичные случаи невыполнения приказов, сомнительно, что среди анархических войск на Арагоно-Каталонском фронте они были более распространёнными, чем в других частях республиканской армии или же, время от времени, в любой другой армии. Возможно, следует, напротив, удивляться тому, что мораль в анархических войсках оставалась на таком высоком уровне, несмотря на усиленные попытки коммунистов, влиявших на военное ведомство и республиканское правительство в целом, подорвать влияние анархистов в вооружённых силах путём вербовки, запугивания и расправы, особенно после мая 1937 г.

Проблема нехватки оружия на Арагонском фронте

В своей кампании против анархистов, набравшей силу с июля 1936 г. по май 1937 г., коммунисты обращали особое внимание на тот факт, что после первого натиска каталонской, в большинстве своём анархической милиции, вернувшего Республике более половины Арагона, никаких других военных успехов на этом фронте, казалось бы, не последовало. Это утверждение иногда повторялось и некоммунистами.

Коммунистический экс-министр Хесус Эрнандес оставил собственное свидетельство об этой пропагандистской кампании в связи с «тишиной» на Арагонском фронте:

«Коммунистические министры, коммунистические газеты, коммунистические лидеры спрашивали правительство, почему Арагонский фронт был неподвижным, почему его арсенал боеприпасов и оружия оставался без применения, почему там не звучало выстрелов, кроме случаев, когда невинные люди пытались защитить себя от ограбления. Но сеньор Ларго Кабальеро лишь сочувственно пожимал плечами...»⁴³

Конечно, анархисты отвечали на эту кампанию коммунистов и их союзников, призванную дискредитировать анархические войска на Арагонском фронте. Как указывала их пресса, он «является единственным фронтом, где земля была завоёвана, а позиции никогда не сдавались»⁴⁴. Однако эти протесты были не более действенными, чем их обращения к центральным республиканским властям с требованием предоставить оружие, снаряжение и боеприпасы, необходимые для начала масштабного наступления на Арагонском фронте.

Все анархические лидеры были согласны, тогда и после войны, что главной причиной затишья на Арагонском фронте был недостаток оружия и техники, не позволявший провести долгожданные наступления на Сарагосу и Уэску. Так, в своём докладе на конференции Международной ассоциации трудящихся в Париже в декабре 1937 г. НКТ, отметив неспособность переведённой на военные рельсы промышленности Каталонии произвести всё оружие и снаряжение, необходимое в Арагоне, говорила: «Просить помощи у правительства в Мадриде было бесполезно по двум причинам: потому что Каталония была во власти анархистов и потому что Мадрид и фронты Центра и Юга были в гораздо худшей ситуации, чем фронт Арагона. Из Каталонии мы должны были отправить на Центральный и Южный фронты вооружённых милиционеров, артиллерию и снаряды, изготовленные нами...»⁴⁵

Хуан П. Фабрегас, член каталонского Совета экономики от НКТ, докладывал каталонскому региональному пленуму Конфедерации 24 сентября 1936 г.:

“ «Я должен сообщить вам о трудностях, созданных правительством в Мадриде, которое отказало нам в какой бы то ни было экономической и финансовой поддержке, поскольку оно, конечно, не испытывает большой симпатии к работе практического характера, проводимой в Каталонии... Мы

послали в Мадрид комиссию и попросили у правительства кредит в 800 миллионов песет, ещё 30 миллионов для приобретения военных материалов и ещё 150 миллионов франков для приобретения сырья... Во всём нам было отказано. Мы не знаем почему, так как состояние финансов Испании является лучшим в мире...»46

Диего Абад де Сантильян в своей книге «Почему мы проиграли войну», написанной спустя год после окончания Гражданской войны, прокомментировал эту же проблему: «Все командиры Арагонского фронта сводили нас с ума своими непрерывными требованиями оружия и боеприпасов. В настойчивости и непреклонности любой из них превосходил Дуррути... Мы ничего не могли дать ему или кому бы то ни было ещё, потому что у нас ничего не было...»47

Сантильян добавляет:

“ «Материалы, приобретённые при посредничестве русских, начали поступать в Испанию и далее шли через правительственную комиссию по снабжению. Был отдан приказ, что ни один из этих транспортов не должен заходить в каталонские порты. Такое отношение очень нас возмущало. Особенно когда обещали, что такой-то и такой-то груз будет отправлен для нас, и ничего не прибывало»48.

Возможно, невольное подтверждение того, что существовал запрет на поставку советского оружия на Арагонский фронт, оставила сталинистская партия Каталонии, ОСПК. В документе под заголовком «План победы», составленном в апреле 1937 г., спустя время после того, как советское оружие стало поступать в Испанию в значительных количествах, ОСПК говорила: «Каталония оказалась неспособна дать всё, что требовалось Арагонскому фронту, из-за недоразумений и попыток извлечь личную выгоду, которые, естественно, вызывают разногласия среди антифашистских сил и отвлекают внимание от реальных проблем войны»49. Это, по-видимому, указывает на то, что Каталония была единственным производителем оружия для Арагона, а возможность отправки туда советского оружия полностью игнорировалась. Представляется маловероятным, что это был недосмотр каталонских коммунистических лидеров.

Хуан Мануэль Молина, который был лидером НКТ и заместителем советника по обороне каталонского правительства с ноября 1936 г. по май 1937 г., открыл некоторые детали этого правительственного эмбарго на поставку вооружения войскам в Арагоне. Он вспоминает о прибытии пулемётов из Чехословакии, в количестве около 8–10 тысяч; 5 тысяч из них он запросил для Арагонского фронта, но получил категорический отказ от республиканского правительства. В другом случае вдоль побережья Каталонии проходило судно с оружием из Франции, сопровождаемое двумя тральщиками из каталонского флота. Когда Молина предложил республиканскому правительству в Валенсии, чтобы судно встало в гавани Барселоны и оружие было отправлено оттуда по железной дороге, он получил беспелляционный приказ, что оно должно следовать до Валенсии, – в итоге судно затонуло между каталонской границей и Валенсией50.

Однако не одни анархисты протестовали против нехватки оружия на Арагонском фронте. Американец, побывавший на фронте в начале 1937 г., приводил слова одного кадрового артиллериста:

“ «Если бы у нас было необходимое вооружение и если бы мадридское правительство было готово потратить часть своего золотого запаса на приобретение этого оружия, то, могу вас уверить, к марту мы уже установили бы контакт с силами, действующими в секторе Бильбао, и заняли бы позицию, создающую серьёзную угрозу для фашистских сил к северу от Мадрида.

Я несколько раз ездил в Мадрид, и каждый раз, когда я просил что-либо для кампании в Арагоне, мне говорили, что необходимо зарезервировать золото для восстановления Испании после войны, как будто сейчас это более важно, чем сокрушение фашистских сил»⁵¹.

Вскоре после того, как Кабальеро Франсиско Ларго стал премьер-министром, в сентябре 1936 г., Буэнавентура Дуррути был отправлен в Мадрид, чтобы выбить финансирование для поставки оружия из Франции, которую предполагал устроить французский анархист Пьер Бенар. Вначале, как потом сообщал Пьер Бенар, Ларго Кабальеро и кабинет согласились выделить 1,6 млрд песет на приобретение этого оружия, причём было согласовано, что треть его будет предоставлена Арагоно-Каталонскому фронту⁵². Однако впоследствии это решение было отменено, и Бенар был убеждён, что это объяснялось вмешательством недавно прибывшего советского посла Марселя Розенберга⁵³.

Каталонцы иногда прибегали к чрезвычайным мерам, чтобы получить оружие, в котором они нуждались, или деньги, на которые его можно было купить. Однажды анархической части на Центральном фронте удалось перенаправить в Каталонию конвой, перевозивший 70-80 тысяч патронов. В другой раз, когда каталонское правительство получило срочную просьбу о поставке бензина от лоялистских сил на Менорке, оно отправило туда судно с топливом, но не позволяло разгружать его, пока взамен ему не предоставили около двух миллионов капсулей, хранившихся в крепости Маон, которые были бесполезны на Менорке и которых каталонцы неоднократно просили у республиканского правительства⁵⁴.

Но самым отчаянным ходом в кампании по вооружению Каталонского фронта стала задуманная, но в итоге не осуществлённая попытка захватить часть золотого запаса испанского правительства в Мадриде. Лидером заговора был Диего Абад де Сантильян, и он планировал задействовать в этой операции милиционеров из анархической колонны «Земля и свобода», стоявшей в районе Мадрида. Когда Сантильян и другие уже были готовы привести свой замысел в исполнение, они решили проинформировать о нём Национальный комитет НКТ. Сантильян сообщает, что эта новость заставила его друзей «похолодеть от ужаса». Поэтому он и его единомышленники отозвали свой план, не желая осуществлять его при несогласии руководства НКТ⁵⁵. Несколько недель спустя почти весь золотой запас Испании был отправлен в Советский Союз, в качестве предварительной платы за оружие, которое Сталин соизволит предоставить Испанской республике.

Гастон Леваль, французский анархист, который провёл почти всю войну в Испании, был убеждён, что отказ республиканского правительства предоставить достаточное количество оружия и снаряжения войскам на Арагонском фронте в немалой степени способствовал поражению республиканских сил в войне. Заметив, что республиканское правительство оставило Арагонский фронт «без артиллерии, без авиации, без противовоздушной обороны», Леваль далее пишет: «В первый год войны было возможно прорвать фашистский фронт; вражеские силы состояли из нескольких тысяч человек, которые на грузовиках перебрасывались в уязвимые пункты. С пятьюдесятью тысячами ополченцев, соответствующим образом вооружённых, мы могли бы завоевать Сарагосу...»⁵⁶

Джордж Оруэлл, который в этот период провёл несколько месяцев в подразделении ПОУМ на Арагонском фронте, красочно описывал нехватку оружия и прочего снаряжения:

“ «...Полностью отсутствовали какие бы то ни было военные материалы. Необходимо некоторое усилие, чтобы представить, как скверно были снаряжены ополченцы тех дней. В военном кабинете каждой солидной английской школы было больше современного оружия, чем у нас. Мы были вооружены так плохо, что об этом стоит рассказать подробнее.

На этом участке фронта вся артиллерия состояла из четырёх миномётов, на каждый из которых приходилось всего пятнадцать мин. Само собой разумеется, что миномёты были слишком драгоценны, чтобы из них стрелять, поэтому они хранились в Алькубьерре. Примерно на каждые пятьдесят человек приходился пулемёт; это были пулемёты старых образцов, но из них можно было вести довольно прицельный огонь на расстоянии трёхсот-четырёхсот метров. Помимо этого, мы располагали только винтовками, причём место большинству из них было на свалке. Винтовки были трёх образцов. Во-первых, длинный маузер. Как правило, эти винтовки служили уже не менее двадцати лет, от их прицельного устройства было столько же пользы, как от поломанного спидометра, у большинства нарезка безнадёжно заржавела; впрочем, одной винтовкой из десяти можно было пользоваться. Затем имелся короткий маузер, или мушкетон, по существу кавалерийский карабин... В действительности же пользы от них не было почти никакой. Их собирали из старых частей, ни один из затворов не подходил к винтовке, три четверти из них заедало после первых пяти выстрелов. Наконец, было несколько винчестеров. Из них было удобно стрелять, но пули летели неизвестно куда, к тому же обойм не было и после каждого выстрела приходилось винтовку перезаряжать. Патронов было так мало, что каждому бойцу, прибывавшему на фронт, выдавалось всего по пятьдесят штук, в большинстве своём исключительно скверных...

У нас не было ни касок, ни штыков, почти не было пистолетов и револьверов, одна бомба приходилась на пять-десять человек...

Не хватало не только оружия, но и всего другого снаряжения, необходимого на войне. Мы не имели, например, ни карт, ни схем... У нас не было ни дальномеров, ни перископов, ни полевых биноклей, если не считать нескольких личных, ни сигнальных ракет, ни сапёрных ножниц для резки колючей проволоки, ни инструмента для оружейников, нечем было даже чистить оружие»⁵⁷.

Эта ситуация, согласно Оруэллу, сохранялась, даже когда в Испанию стали поступать советское оружие и боеприпасы: «Советское оружие распределялось через коммунистическую и союзные с ней партии. Коммунисты следили за тем, чтобы как можно меньше этого оружия попадало в руки их политических противников. (Именно поэтому на Арагонском фронте, где стояли преимущественно анархистские части, было так мало советского оружия. До апреля 1937 года единственным таким оружием, попавшим мне на глаза, – если не считать самолётов, которые, возможно, были советского производства, а может и нет, – был один-единственный автомат.)»⁵⁸

Как мы видели, сами анархисты признавали, что дефицит оружия на Арагонском фронте и недостаточное внимание центрального правительства к этому театру войны могли объясняться тем, что с ноября 1936 г. по март 1937 г. главной заботой была оборона Мадрида. Однако, когда битва за Мадрид была выиграна и Франко обратил свой взор на республиканские оплоты в Стране Басков, Сантандере и Астурии, это утверждение больше не имело силы.

Учитывая изолированность Северного фронта, единственным возможным способом остановить наступление Франко для республиканцев было проведение операции в Арагоне, которая отвлекла бы внимание и ресурсы мятежных сил и в случае успеха могла бы связать две части лоялистской Испании. Однако Джордж Оруэлл, вероятно, был прав, когда утверждал: «Есть все основания полагать, что оружие умышленно задерживалось, из опасения, что оно может попасть в руки анархистов, которые позднее используют его для революционных целей; в результате было сорвано большое наступление на Арагонском фронте, которое заставило бы Франко отойти от Бильбао, а быть может, и от Мадрида»⁵⁹.

Действия вооружённых сил в Арагоне в первый год войны

Больше года на Арагонском фронте было относительно спокойно. Джордж Оруэлл оставил красноречивое свидетельство об удручающей скуке, царившей в войсках Арагона в тот период⁶⁰.

Стабилизация Арагонского фронта произошла в разгар жатвы 1936 года. По предложению Буэнавентуры Дуррути военный совет его колонны решил «дать милиционерам ознакомиться с выполняемой работой и предложить им вместо того, чтобы оставаться без дела, оказывать помощь крестьянам в период уборки пшеницы. Кроме того, те из них, кто был лучше информирован, могли обсуждать с крестьянами либертарное общество и его

экономическую организацию». Биограф Дуррути отмечает: «Результаты этой инициативы были весьма положительными. Группы либертарной молодёжи первыми предложили себя в качестве добровольцев на роль бойцов-производителей...»⁶¹

В каждом из военных формирований анархистов выходили публикации соответствующего направления, как делалось и в формированиях иных политических сил. К примеру, 25-я дивизия (бывшая колонна Ортиса) начала выпускать одноимённую газету, вначале еженедельную. Первое время она печаталась в фургоне на довольно примитивном станке. Затем была устроена постоянная типография в Барселоне, и выпуск стал ежедневным. В дивизии также издавался журнал «Культура и действие» (*Cultura y Acción*)⁶².

Другими военными изданиями анархистов были «Дальше» (*Más Allá*), выходившее в колонне имени Франсиско Аскасо, и «Фронт» (*El Frente*), выпускаемое колонной Дуррути (26-я дивизия). В этих изданиях затрагивались как проблемы, с которыми непосредственно сталкивались данные соединения, так и более широкие вопросы.

В выпуске «Фронта» от 11 октября 1937 г. на первой полосе была напечатана статья «помощника комиссара дивизии» А. Флореса, озаглавленная «Победа», а на третьей странице в разделе «Требуется» было размещено объявление, подписанное «комиссаром дивизии», о том, чтобы все учителя в дивизии, которые вели какую-либо культурную работу или хотели её вести, представили в течение недели доклад о своей деятельности, своём окружении и местоположении⁶³.

Выпуск «Фронта» от 20 ноября 1937 г. был посвящён первой годовщине смерти Дуррути. Были напечатаны различные статьи о нём и одна статья о нынешних командирах дивизии: «нашем шефе» Рикардо Сансе и его помощнике Франсиско Эде, политкомиссаре Рикардо Рионде и его помощнике Анхеле Флоресе⁶⁴.

Выпуск «Дальше» от 10 мая 1937 г. содержал статью «Дисциплина». «Мы повторяем наше требование дисциплины, особенно от наших товарищей. Дисциплина, чтобы выиграть войну, дисциплина, чтобы совершить революцию; дисциплина во всём и для всех товарищей». В том же выпуске были помещены статьи по истории анархизма и о «трусости демократий»⁶⁵.

Более поздний выпуск «Дальше», от 11 августа 1937 г., включал полемическую статью, озаглавленную «Что на самом деле предлагает руководство ОСПК в тылу?». Она содержала обширную информацию о преследовании либертариев членами ОСПК. В конце её говорилось: «Что же на самом деле предлагают люди из ОСПК? Хотят ли они сделать с Конфедерацией то, что они сделали с товарищами из ПОУМ? Если так, то мы говорим откровенно: вы заблуждаетесь, серьёзно заблуждаетесь. Конфедерация – это сила, и каждый, кто пожелает напасть на неё, испробует на себе железо её людей». На последней странице была напечатана статья о «победоносном продвижении» 25-й дивизии на 30 километров⁶⁶.

Некоторое внимание уделялось и образованию бойцов анархических колонн. Это, несомненно, делалось не только для того, чтобы преподать солдатам основы культуры, но и для того, чтобы привить им идеи либертарного коммунизма.

Потеря анархистами контроля над Арагонским фронтом

С июля 1936 г. до мая 1937 г. контроль над Арагонским фронтом и каталонскими войсками, которыми он по большей части был укомплектован, находился в руках каталонских органов – вначале Центрального комитета милиции, а затем советника по обороне правительства Каталонии. На протяжении всего этого периода влияние анархистов в республиканских вооружённых силах Каталонии и Арагона было преобладающим. С сентября по декабрь 1936 г. советником по обороне был полковник Фелипе Диас Сандино, кадровый офицер, находившийся в довольно хороших отношениях с НКТ-ФАИ.

После реорганизации каталонского Хенералидада в декабре 1936 г. пост советника по обороне официально перешёл к НКТ в лице Франсиско Исглеаса, с Хуаном Мануэлем Молиной, также из НКТ, в качестве его заместителя. Эта ситуация сохранялась до Майских дней 1937 г., когда в Барселоне и других каталонских городах вспыхнула «гражданская война внутри гражданской войны».

Республиканское правительство использовало майские события как предлог, чтобы официально распустить Департамент обороны Хенералидада и передать войска Каталано-Арагонского региона под контроль Министерства национальной обороны. Это министерство назначило генерала Себастьяна Посаса, к тому времени вступившего в Коммунистическую партию, командующим армии Востока, защищавшей Каталонию и Арагон.

Хуан Мануэль Молина вспоминал, как проходил этот процесс отстранения анархистов от контроля над республиканскими вооружёнными силами на Каталано-Арагонском фронте. Во время Майских дней советник по обороне Исглеас отсутствовал, и управление департаментом перешло к Молине. Именно с ним пришлось иметь дело Посасу, когда тот был назначен командующим.

Молина вспоминает, что Посас прибыл в Барселону инкогнито и позвонил ему, чтобы узнать, безопасно ли будет для него явиться в департамент и принять командование. Молина ответил, что не собирается оставлять свой пост без прямого распоряжения от каталонского президента Луиса Компаниса, и предложил Посасу сначала встретиться с ним. Посас так и поступил, после чего Компанис по телефону уведомил Молину о том, что он признал переход к республиканскому правительству контроля над вооружёнными силами, ранее подчинявшимися Хенералидаду, и Молина потребовал подтвердить это заявление в письменной форме.

Однако, когда Посас явился в его кабинет с документом, подписанным Компанисом, Молина заявил ему, что всё ещё не может сдать свой пост без особого распоряжения НКТ, которая выбрала его на эту должность. Валерио Мас, в то время региональный секретарь НКТ, заверил Молину по телефону, что анархисты согласились на передачу вооружённых сил под командование Посаса. Молина вновь потребовал письменного подтверждения, подписанного не только Масом, но и региональными секретарями ФАИ и «Либертарной

молодёжи».

Только получив на руки эти два документа, Молина, наконец, официально передал управление каталано-арагонскими вооружёнными силами генералу Посасу. Последний настаивал на том, чтобы Молина продолжил службу в качестве главного политического комиссара армии Востока, на что Молина согласился только после собрания лидеров НКТ-ФАИ-ЛМ и страстной речи Федерики Монсень, уговорившей его принять новую должность.

На встрече Посаса с «представителями всех антифашистских организаций» было принято решение о пропорциональном распределении командных должностей, и Молина был утверждён генеральным комиссаром армии Востока. Однако, отмечал Молина, это продолжалось «недолго. Марионеток Москвы не удовлетворила бы частичная победа. Они хотели победы полной, абсолютной. Уже через несколько дней, не советуясь ни с Каталонией, ни с кем-либо ещё, издали декрет, назначивший военным комиссаром Каталонии бывшего комика и фанатичного коммуниста Вирхилио Льяноса, и, поскольку остальные комиссарские должности уже были распределены, НКТ вновь была обманута и выброшена со всех военных руководящих позиций. Имея в своих рядах 80 процентов бойцов, воевавших в Каталонии и Арагоне, НКТ утратила всякое влияние в военном аппарате, который полностью перешёл в руки коммунистов, с пагубными последствиями»⁶⁷.

Хосе Пейратс отмечал, что передача командования генералу Посасу означала не только прекращение анархического контроля над силами республиканской армии в Каталонии и Арагоне, но и отказ каталонского правительства от этого контроля в пользу республиканского министерства обороны, после чего каталонский департамент «автоматически прекратил своё существование»⁶⁸.

Однако, несмотря на то, что анархисты утратили контроль и практически лишились влияния в центральном управлении вооружёнными силами Каталонии и Арагона, офицеры НКТ-ФАИ продолжали командовать главными соединениями на этом фронте. Кроме того, колонны (к тому времени дивизии), изначально набранные и организованные анархистами, оставались более или менее однородными.

Анархисты в Теруэльской битве

Анархические войска сыграли значительную роль в сражении у Теруэля, продолжавшемся с 15 декабря 1937 г. по 22 февраля 1938 г. Город Теруэль, в южной части Арагона, находился в руках мятежников с начала войны. После крушения Северного фронта под ударами войск Франко были веские основания полагать, что верховное командование мятежников планирует очередное «последнее наступление» на Мадрид.

Это, по крайней мере отчасти, стало причиной того, что республиканский генеральный штаб решил нанести отвлекающий удар под Теруэлем, который в случае успеха также позволил бы наступающим республиканским войскам соединиться с войсками Центрального фронта.

В первые дни наступление республиканцев проходило успешно. Теруэль был окружён и частично занят, и спустя несколько дней остатки мятежного гарнизона в городе сдались. Однако Франко, перебросив подкрепления, атаковал как с Севера, так и со стороны Мадрида, и наступление лоялистов было остановлено. Масштабное контрнаступление мятежных сил было встречено ожесточённым сопротивлением, но 22 февраля они одержали победу, и последние республиканские части были выведены из Теруэля⁶⁹.

Рикардо Санс, часть 26-й дивизии которого участвовала в операции, заключал: «Если подводить итог Теруэльского сражения, то мы можем подтвердить, что, если бы республиканские силы могли рассчитывать на достаточное обеспечение для продолжения наступления в этом секторе, армия мятежников оказалась бы в очень сложной ситуации, которая рано или поздно обернулась бы катастрофой для них и грандиозной победой для республиканского оружия»⁷⁰. Бруэ и Темим согласны с Сансом в том, что основной причиной провала наступления под Теруэлем было отсутствие у республиканцев достаточных ресурсов⁷¹.

Многие анархические соединения были задействованы в Теруэльском сражении. Согласно Хосе Пейратсу: «В наступлении участвовала, сыграв важную роль, 25-я дивизия. Незадолго до того, как город был вновь потерян, на этот участок были переброшены 125-я и 126-я бригады 28-й дивизии, также сэнэтистские...»⁷²

Валентин Гонсалес, он же известный коммунистический военачальник Эль Кампесино, писал много лет спустя, когда он уже порвал с коммунистами, что анархистов намеренно собирались принести в жертву, чтобы использовать это для их дискредитации и смещения министра обороны Индалесио Прието. Гонсалес утверждает, что взятие Теруэля «вновь вдохнуло в людей веру и мужество. Оно также подняло авторитет лидера социалистов Индалесио Прието, по приказу которого в качестве министра обороны была проведена эта операция. Коммунистам это не понравилось. Прието не был их пешкой и стоял у них на пути. Пока он оставался во главе министерства обороны и его влияние сохранялось, они не могли надеяться получить полный контроль в военных делах. Поэтому они решили торпедировать Прието, ценой потери Теруэля».

Гонсалес говорит, что первым шагом в плане коммунистов было отстранение от командования теруэльским участком генерала Сарабии, «верного друга Прието», и замена его командиром-коммунистом Хуаном Модесто. «Тогда, – продолжает он, – они начали осуществлять свой замысел. Передовые позиции Теруэля удерживались анархо-синдикалистскими дивизиями. Эти части были оставлены без артиллерии. Без тяжёлых орудий они не имели возможности выстоять; можно было не сомневаться, что они будут вытеснены со своих позиций. Теруэль был потерян. Но анархо-синдикалисты, как непосредственно ответственные, и социалист Прието, как министр обороны, были дискредитированы – такой ценой»⁷³.

Анархисты в битве за Арагон

Каталонские анархические части играли второстепенную роль в битвах у Бельчите и Теруэля в последние месяцы 1937 г. и начале 1938 г.; соединения иной политической ориентации, по-видимому, составляли большинство в наступавших войсках. Однако анархические формирования сыграли главную роль в попытке отстоять Арагон во время массированного наступления сил Франко, которое началось в марте 1938 г. и в результате позволило мятежникам прорваться к Средиземному морю, разделив лоялистскую территорию на два отдельных сегмента.

Маршал Р. Малиновский, один из главных советских военных советников в республиканских силах периода Гражданской войны, четверть века спустя дал нелестный отзыв о поведении анархических войск во время битвы за Арагон: «Анархистские же части, не ввязываясь в бой, поспешно отходили». Он особо отмечает, что остатки 153-й бригады отказались подчиниться приказу стоять и сражаться⁷⁴. Он утверждает, что только войска коммунистов и ОСПК хорошо показали себя в этой кампании⁷⁵.

Однако Рикардо Санс оставил подробный отчёт об участии его соединения, бывшей колонны Дуррути, реорганизованной в 26-ю дивизию Народной армии Республики, в этой кампании. Его свидетельства коренным образом отличаются от показаний советского маршала.

26-я дивизия с первых недель войны удерживала широкий участок Арагонского фронта, к северу и югу от Сарагосы, и её передовые линии находились в нескольких милях от занятого мятежниками города. Сансу и другим командирам 26-й дивизии стало известно, что мятежники готовятся к наступлению, и они предупредили об этом высшее военное руководство Республики.

Вскоре после начала наступления Франко 44-я дивизия и XI Интернациональная бригада, стоявшие к югу от позиций 26-й дивизии, отступили, не оказав значительного сопротивления. В результате 26-я дивизия была вынуждена встать на защиту позиций, брошенных 44-й, и попыталась, насколько было возможно, вернуть в строй деморализованных солдат последней. В один из моментов ей пришлось удерживать фронт протяжённостью 170 километров, хотя для одной дивизии считался нормальным участок в десять раз меньше этого. Позже произошёл прорыв фронта и к северу от позиций 26-й дивизии.

Наконец, после нескольких дней борьбы, во время которых значительная часть 26-й дивизии сражалась почти без отдыха, Санс начал опасаться, что она подвергнется полному окружению и уничтожению. Несмотря на то, что Санс долго пытался объяснить серьёзность положения вышестоящему командованию, он не получил в ответ никаких ясных указаний. Однажды ему даже пришлось вступить в спор с генералом Росасом, командовавшим Арагонским фронтом, и генералом Рохо, начальником генштаба республиканских сил, но он не смог добиться от них никаких чётких приказов.

В итоге Рикардо Санс самостоятельно распорядился об отходе 26-й дивизии с этой, открытой со всех сторон, позиции⁷⁶. Во время этого отступления произошло, как выражается Санс, «непостижимое». «В сторону фронта направлялись силы карабинеров, прибывшие из заднего эшелона. Это были свежие силы, ещё не вступавшие в бой. Они ехали

на отличных грузовиках. И вдалеке от линии фронта, не выгружаясь, они повернули назад, говоря, что им нужно реорганизоваться. Мы не знаем, куда они отправились реорганизовываться, эти силы, так и не вошедшие в соприкосновение с противником. Труссы!»⁷⁷

На завершающем этапе битвы удалось стабилизировать Каталонский фронт на реке Сегре, при участии 26-й дивизии. Она заняла новую позицию, по соседству с дивизией генерала-коммуниста Валентина Гонсалеса⁷⁸.

Политическая ситуация в вооружённых силах Каталонии после захвата Арагона

После того, как лоялистские силы оказались вытеснены из Арагона, оставшиеся войска Республики в Каталонии были разделены на два формирования: так называемую армию Эбро, в основном защищавшую южный участок, и армию Востока, в центральной и северной части Каталонии. В первой армии командный состав был укомплектован главным образом коммунистами; вторая армия по большей части оставалась вне их контроля и включала в себя большинство анархических соединений, в том числе 26-ю дивизию.

В месяцы, последовавшие за поражением в Арагоне, Коммунистическая партия, правительство Хуана Негрина и подконтрольные правительству средства массовой информации не жалели сил, восхваляя и воспевая мнимую доблесть и боевые качества армии Эбро, но армия Востока редко удостоивалась такого внимания. В это же время многие офицеры в контролируемых коммунистами частях были повышены в звании, тогда как в армии Востока подобных повышений было немного⁷⁹.

Кроме того, согласно Рикардо Сансу, командующие армией Эбро «не следовали установленному порядку. Они обращались напрямую к заместителю министра, в Центральный главный штаб или к премьеру и министру национальной обороны Негрину, нарушая основополагающие нормы армии и свойственную ей субординацию»⁸⁰.

В эти месяцы коммунисты предпринимали попытки поставить под свой контроль соединения армии Востока. Однако они столкнулись с жёсткой оппозицией командующего армией, полковника Переа. Рикардо Санс пишет:

“ «Переа не собирался терпеть подобные вещи, несмотря на неоднократные попытки, хотя и не вредившие организации и развитию этой армии, но временами заставлявшие командующих армейскими соединениями переносить наглость. Попытки эти вначале выражались в лести и обещаниях, а затем в действиях... высокопоставленных офицеров, старавшихся навязать нам политические штампы, с которыми мы были в

корне несогласны... Если бы не существовало ограничений, поставленных командующим армией Востока, нам, определённо, пришлось бы страдать от междоусобной борьбы, в результате которой, как это всегда происходило, авторитетные армейские командиры, не желавшие подчиняться воле некоторых “сеньоров”, были бы низведены до анонимного статуса, хотя они были хорошими военными и превосходными антифашистами»⁸¹.

В этот же период произошло значительное увеличение, по крайней мере в каталонской части республиканской армии, количества русских советников. Рикардо Санс замечает, что «их советы были абсолютно бесполезными в практическом смысле», и добавляет, что они «множились повсюду, до крайней степени, рассыпавшись по главным штабам дивизий, корпусов и иногда даже бригад»⁸².

И, также после битвы за Арагон, были предприняты серьёзные усилия по мобилизации гражданского населения на строительство укреплений для защиты Каталонии. 31 марта 1938 г. было издано обращение, подписанное представителями НКТ, ФАИ, ВСТ и всех каталонских партий, о наборе 100 000 добровольцев «для возведения 50 000 тысяч оборонительных сооружений. Это мероприятие будет проводиться под руководством Комиссии контроля мобилизации, состоящей из председателя [и членов], назначенных советниками по финансам, экономике и труду, общественным работам, ВСТ и НКТ соответственно»⁸³.

Падение Арагона обострило проблему беженцев в Каталонии. Уже в конце 1936 г. здесь насчитывалось 300 000 жителей других регионов, бежавших от армий мятежников, что равнялось 10% общего населения Каталонии⁸⁴. К марту 1938 г. их численность возросла до 700 000⁸⁵.

Чтобы прославить армию Эбро, было предпринято последнее наступление республиканцев в этой войне. Начавшись в июле 1938 г., борьба на фронте продолжалась три месяца, и, после первоначальных успехов, она закончилась для Республики катастрофой. Значительные по размеру силы армии Востока были отправлены на подкрепление армии Эбро. Рикардо Санс утверждает, что эти подразделения часто были вынуждены оставаться на передовой по много дней без передышки, в то время как подразделения армии Эбро бездействовали. По поводу некоторых таких подразделений, взятых из его собственной 26-ю дивизии, Санс отмечал: «По их возвращении в соответствующие бригады оказалось, что они потеряли более 75 процентов личного состава, включая одного политкомиссара, и 95 процентов вооружения»⁸⁶.

Другие анархические формирования, помимо 26-й дивизии, также были вовлечены в сражение на Эбро. Энрике Кастро Дельгадо отметил важную роль, которую сыграла 60-я дивизия «под командованием анархиста Моры» в сдерживании третьего контрнаступления армии мятежников в ходе битвы⁸⁷. Несомненно, были и другие части под командованием анархистов, участвовавшие в этой битве.

Ещё одно обстоятельство вызывало возмущение у анархистов и других некоммунистов в республиканских армиях Каталонии в период между падением Арагона и последним

наступлением на Каталонию: «Мы день за днём наблюдали, как расчёт численность карабинеров, составлявших преторианскую гвардию Негрина. То же происходило и со Штурмовой гвардией». Рикардо Санс отмечает, что, хотя в войска на передовой поступало всё меньше обмундирования и даже продовольствия, «“воинственные” и “доблестные” карабинеры и штурмовые гвардейцы... были хорошо одеты, отлично экипированы, откормлены и, как будто всего этого было недостаточно, могли обеспечивать едой свои семьи»⁸⁸. Карабинеров и штурмовых гвардейцев не отправляли на фронт, пока не началось последнее наступление сил Франко в Каталонии, – и там они не снискали себе славы⁸⁹.

Заключительная битва за Каталонию

Когда нападение армии Франко на Каталонию готово было начаться, командиры и солдаты 26-й дивизии были весьма хорошо осведомлены о приготовлениях, ведущихся по ту сторону фронта. И именно они приняли на себя первый удар мятежников. Тем не менее на участке, занимаемом бывшей колонной Дуррути, атаки первых дней были по большей части отбиты⁹⁰. Этот факт опровергает утверждение Гэбриела Джексона о том, что «только возглавляемые коммунистами соединения Листера, Галана и Тагуэны оказали серьёзное сопротивление» надвигавшимся на Каталонию франкистам⁹¹.

После этого силы Франко перенесли главный удар на южную часть фронта, защищаемую армией Эбро. Здесь сопротивление было минимальным. То ли оттого, что армия Эбро не оправилась от поражения в битве на Эбро, то ли оттого, что мораль её офицеров и солдат была подорвана из-за постоянного давления коммунистов, она оказалась неспособна противостоять силам Франко, значительную часть которых составляли итальянские подразделения. Республиканская армия стала разваливаться, и в течение нескольких дней мятежникам удавалось преодолевать до десяти километров в день.

Один за другим каталонские города захватывались южным флангом наступающих. Вальс, Реус, Таррагона, а затем открылась дорога и на Барселону.

Для защиты Барселоны не предпринималось никаких серьёзных усилий. Как утверждает Рикардо Санс, одной из причин было то, что жители города не верили, что ему угрожает реальная опасность, пока не стало слишком поздно. Они пережили испуг после падения Арагона в предыдущем году, но были спасены «чудом», когда в южной части Каталонии наконец была восстановлена прочная линия обороны. По словам Санса, в январе 1939 г. ждали ещё одного «чуда»⁹².

Правительство казалось парализованным. Оно не принимало мер, чтобы укрепить город. В конце концов остатки армии Эбро пронеслись через город, уходя на север, к французской границе. Несмотря на заявленное намерение оставаться в каталонской столице, правительство Испанской республики бежало в Херону, а правительство Каталонии – в Фигерас.

Члены Федерации анархистов Иберии, включая Диего Абада де Сантильяна, в последние несколько дней перед падением Барселоны обсуждали возможность организации обороны

города. Они отвергли тактику выжженной земли. Сантильян комментировал: «Мы могли разрушить фабрики, могли поджечь половину города. Но зачем? Мы отказались от бессильной мести, последствия которой лишь усугубят положение тех, кто останется».

Однако в ночь на 25 января фаистам позвонил генерал Хосе Асенсио, который всё ещё оставался в Барселоне, и предложил им попытаться наладить оборону, если ему удастся уговорить бежавшее правительство назначить его командующим города. Анархисты согласились работать с ним. Однако в течение 25-го они не получили от него никаких сообщений и пришли к выводу, что он не смог добиться назначения⁹³. Тем временем стало известно, что состав с оружием и боеприпасами, направлявшийся в Каталонию из Франции, потерпел крушение по ту сторону границы⁹⁴.

Из всего этого ничего не вышло. Сантильян вспоминает: «25 января ещё можно было организовать оборону города. К 26-му безразличие, в том числе наше собственное, делало любые попытки невозможными. Враг не вступил в Барселону в этот день, должно быть, потому, что он предпочёл дожидаться конца эвакуации»⁹⁵.

Мартин Гуделл, секретарь НКТ-ФАИ по зарубежной пропаганде, утверждал после войны, что одним из немногих мест в Барселоне, где войска Франко встретили сопротивление, была штаб-квартира НКТ-ФАИ на улице Дуррути⁹⁶. У нас нет подтверждения этого факта из других источников.

Остатки армии Востока в центральной и северной частях Каталонии продолжали сопротивляться и после падения Барселоны. Рикардо Санс пишет: «Достаточно сказать о том, что происходило в Северном секторе. 26-я дивизия, которая сражалась шестнадцать дней без перемирия и передышки, перешла реку Сегре, достигнув Артеса-де-Сегре. Это было самое организованное отступление, в котором мы не потеряли ни одного человека и ни одной единицы оружия. После шестнадцатидневной борьбы враг добился лишь увеличения расстояний, которые он проходил ежедневно. 31-я дивизия сменила 26-ю на её почётному посту».

К тому времени Центральный главный штаб республиканской армии уже не действовал. Правительства Испании и Каталонии бежали во Францию и обосновались в Париже.

Наконец, сопровождаемый сотнями тысяч гражданских и дезертиров из армии Эбро, уходивших через границу во Францию, X корпус, в который входила 26-я дивизия, попытался организовать последнюю линию обороны, чтобы дать спастись как можно большему количеству людей. Однако боеприпасы закончились, и он смог продержаться лишь несколько дней. Командиры корпуса приказали солдатам, всё ещё державшим в руках оружие, искать убежища во Франции.

Рикардо Санс пишет об этой развязке: «Когда настало 10 февраля 1939 г., силы X армейского корпуса, всё что оставалось в Северном секторе Каталонии, оставили родную землю. В их рядах шла моя дорогая дивизия, 26-я. Она маршировала в полном порядке, по ротам и батальонам, со своими офицерами»⁹⁷.

Зверобой обновил 7 мая 2025 21:44:22